

Елена Анатольевна БОНДАРЕВА*

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ДВУХ ВЕТВЕЙ
ПРАВОСЛАВИЯ
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭМИГРАЦИИ
В КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИЯ (1920-1940)

Проблемы изучения русского зарубежья также многоплановы и многомерны, как сложна и противоречива сама история складывания и существования "России в изгнании". Изучение судеб сотен тысяч русских людей, оказавшихся в экстремальных условиях, их борьба за выживание и переход к стабильной жизни, отказ от мыслей о возврате в Россию, вплотную подводят к проблемам сохранения цельного самосознания, идентичности как отдельной личности, так и социума, к проблеме преодоления мировоззренческого кризиса. Поразному складывалась жизнь русских беженских колоний в разных странах - культура, традиции, правовой порядок новой "страны пребывания" существенно влияли на статус русских эмигрантов, их самоощущение, степень включенности в жизнь новых соотечественников.

Жизнь многочисленной русской колонии в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, с 1929 года - Королевстве Югославия (в 20-ые - 30-ые гг. насчитывающей до 60 тысяч человек) в этом смысле имеет ряд характерных особенностей, отличающих существование русских эмигрантов в этой стране от других.¹ Не имея возможности подробно остановиться на этой проблеме в рамках настоящей статьи, обратим внимание только на наиболее важные отличительные моменты. Правительство и в особенности Король Югославии Александр Карагеоргиевич выполняли многолетнюю программу финансовой и организационной поддержки русских, причем как проживающих на территории Югославии, так и за ее пределами. Здесь сложилась во многом уникальная ситуация, при которой русская диаспора обладала совершенной и закончен-

* Автор кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, Москва.

¹ По этой теме в последнее время вышло несколько исследований: Русская эмиграция в Югославии., М., 1996; А. Арсеньев, *У излуцины Дуная*, М., 1999; М. Јовановић *Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924*, Београд, 1996.

ной системой учебных заведений - от дошкольных учреждений, до кадетских корпусов и девичьих институтов, именно в Югославии располагался Синод РПЦ в изгнании, проводились Церковные Соборы, но что еще более интересно, в Югославии были созданы благоприятные условия для постепенного включения русских специалистов в разнообразные сферы жизни страны: в государственную службу, культуру, искусство, просвещение, науку, военное дело.

Русский ученый историк, академик Владимир Мошин, большую часть жизни проживший в Югославии и много потрудившийся на ниве изучения ее права, культуры, искусства, вспоминая первые годы жизни в новой стране, отмечает: "Общеизвестный факт, что русская эмиграция в Югославии наиболее глубоко вошла в местную жизнь во всех областях культурной жизни в сравнении с положением русских беженцев во Франции, где типичным стало для русских шоферское занятие, или в Англии, где общий тип русского культурного эмигранта художественно описан в талантливом творении Црнянского 'Роман о Лондоне'".²

В самых общих чертах социальную ситуацию, сложившуюся в Югославии для русской диаспоры и ее взаимоотношения с местной средой, можно охарактеризовать по степени адаптированности как аккомодацию, характеризующуюся двусторонним процессом - как принятия личностями и общностью в целом основных систем ценностей новой среды, так и признание местным населением многих (в том числе важнейших) ценностей вновь прибывших.

Во многом процесс аккомодации базировался на совпадении и близости ценностных ориентиров, нравственных идеалов русских беженцев и жителей Югославии. В первую очередь имеются в виду: Православная вера, уважение к национально-государственным традициям, монархическая политическая ориентация, языковая и ментальная близость двух славянских православных народов. И русские, и сербы - государствообразующая нация в Кралеветстве Югославия, относятся к "ценностно-рациональным" социумам (используя классификацию М. Вебера), что существенно облегчало их взаимодействие, особенно в интеллектуальной и духовной сферах.

Особое значение играла принадлежность к одной вере - Православию. Именно в Югославии нашла приют РПЦ за границей. Следует сразу же отметить, что Сербская православная церковь позволила существовать независимой церковной организации на своей поместной территории и оказывала всяческую помощь Синоду РПЦ, рядовым священникам и прихожанам.

Деятельность РПЦ в условиях эмиграции развивалась по многим направлениям и является важнейшей и еще мало изученной темой. "Диаспора,- по словам А. Шмемана, - новое беспрецедентное явление в истории Православия, требует особого подхода. Ибо жизнь в православии всегда имеет примат над теорией, но той простой причине, что цер-

² "Из воспоминаний академика, протоиерея Владимира Мошина" опубликованных В. И. Косиком в кн. "Русская церковь в Югославии (20-40-ые гг. XX века), М., 2000 г. с. 191.

ковь существует для спасения живых людей, а не 'самой себя'".³

Значение Православия для русских эмигрантов в экстремальных жизненных условиях в научном плане не рассматривалось, однако в полной мере осознавалось русскими людьми и засвидетельствовано во многих источниках. Материалы для интересующей нас темы находятся в свидетельствах русских эмигрантов в Югославии, в первую очередь это: труды иерархов РПЦ - митрополита Антония (Храповицкого), его преемника митрополита Анастасия (Грибановского), архиепископа Иоанна (Шаховского), митрополита Вениамина (Федченкова), воспоминания о юности, проведенной в Белграде Н. Зернова - историка православной церкви, беседы с настоятелем русского храма св. Троицы в Белграде протоиереем о. Василием (Тарасьевым), научные труды Е. В. Спекторского, Е. Троицкого, А. В. Соловьева и др. ученых, живших в Югославии, периодические издания, брошюры русских "народных поповедников" - Г. Петрова, М. Аркадьева.

Следует сразу оговориться, что в данном случае за рамками остаются столь важные вопросы как создание Синода РПЦ в Сремских Карловцах, раскол внутри церкви, отношения между Московской Патриархией и зарубежными иерархами. Самостоятельной и малоизученной проблемой являются вопросы сотрудничества РПЦ за границей и сербской православной Церкви, причем в этой области мы имеем пример самого широкого включения русских в структуры сербской церкви, на всех уровнях - совместное служение в монастырях, русские священники в сербских приходах, сослужение в качестве приходских священников, преподавание русских профессоров на Богословском факультете и т. д. Далее об этом будет сказано подробнее.

Однако прежде стоит обратиться к другой теме: значение Православия для русских людей в процессе преодоления ими жизненного кризиса; стремление деятелей церкви и прихожан к самоорганизации в новых экстремальных условиях; религиозно-просветительская деятельность.

Преодоление духовного кризиса

Исход из России, потеря родины, близких, кровь и ужас войны многих людей привели к духовному кризису, одиночеству. Единственной опорой в этой ситуации для сотен тысяч людей была Православная вера. Эти люди, по словам архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского), "пришли от великой скорби". Он вспоминал первые годы своего пастырского служения в сербском городке Белая Церковь, где разместился Крымский кадетский корпус, Мариинский Донской институт, Николаевское кавалерийское училище, детский приют:

"Это была Россия, вылившаяся на многие берега и пески мира. И у русских ничего нигде не оставалось, кроме Белой Церкви, и в пере-

³ прот. Шмеман А. "По поводу парижских церковных дел" вестник РХСД, 1966 № 80, сс. 29-30.

носом, и в прямом смысле. Белая Церковь была чертой под Белой Россией”⁴.

Обобщая свои впечатления от жизни в Югославии в двадцатые годы, архиепископ Иоанн отмечает, что в изгнании оказались люди всех чинов и званий - это был как бы ”сколок” с большой России. Пережитые страдания объединили усилия людей в поиске духовной, нравственной опоры. ”У русских, живущих за рубежом в конце 20-х годов действительно ничего, не осталось в мире, кроме Церкви. И их легко было объединять в Православной вере. В ней они были крещены, но красоты и радости ее знали далеко не все.”⁵

Как хорошо известно, русские изгнанники, где бы они ни оказались волею судьбы, первым делом создавали церковную общину, находили или строили храм, открывали школу. Опыт воссоздания своей духовно-национальной идентичности в условиях эмиграции Архиепископ Иоанн прослеживает на многих десятках человеческих судеб. Его книги ”Биография юности” (Париж, 1977), ”Вера и достоверность” (Париж, 1982), ”Листья древа” (Нью-Йорк, 1964) являютя бесценными свидетельствами обретения эмигрантами жизненной опоры. Молодой священник записывал свои размышления: ”Утешительно мне было видеть духовную горячность этих людей. И, когда Белая Церковь начала построение своего русского храма св. ап. Иоанна Богослова жена одного из русских офицеров Г. И. Балицкая, с подписным от церкви листом пошла пешком по стране, по сербским деревням, со сбором на этот храм”. Сербские крестьяне давали из скромных сбережений на русскую церковь, которая и была построена в конце 20-х годов.

Каждый прошел свой путь к православию, но важно, что на этом пути люди объединялись, становились общностью, преодолевали одиночество и сиротство духа.

Приход к вере не был механическим, он требовал изменений в образе жизни, в мировоззрении. ”Оставаясь единой в своих корнях и в своем цветении, церковная жизнь русских за рубежом расслаивалась... Для одних она стала новой радостью свободы и очищением от всех, не только прошлых неправд, но и от второстепенных ценностей сего мира. Для других церковная жизнь еще детски определялась памятью о Родине, ее обычаях, воспоминаниях детства. Но правда Божия настигала нас всех и радостью, и страданием...”⁶

Службы в русских храмах, литургическая жизнь, восстановление привычной жизненной канвы, возможность исповеди, причастия, крещения и отпевания в своей православной церкви в условиях эмиграции давали душевное равновесие, восстанавливали общность, целостность самоощущения как личности, так и всего беженского социума.

⁴ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное., Петрозаводск., 1992., с. 65.

⁵ Тамже с. 69.

⁶ Тамже с. 80-89.

"Теоцентрическое сознание"

Однако значение Православной веры не исчерпывалось задачами нравственно-этическими. Как писал в воспоминаниях об этих днях архиепископ Иоанн, вера заставляла по-иному взглянуть на ценности "сего мира". Изменение мировоззрения, переворот в представлениях о мире произошли в годы революции и гражданской войны, но для тех, кто обратился к Православию в поисках ответов на роковые вопросы, кризис идейный и духовный нашел разрешение. Архиепископ Иоанн назвал этот путь "возвратом к теоцентрическому сознанию". Следует отметить, что процесс, известный как "русское религиозное возрождение", начался на стыке XIX и XX веков и, "запоздав", не смог предотвратить развитие революционных тенденций, но принес свои весомые плоды именно в период эмиграции. Николай Зернов, характеризуя идейные и духовные процессы в среде эмиграции, отмечает: "Характерно, что окончательное примирение многих членов ордена интеллигенции с Церковью произошло в западной Европе, в изгнании, куда свободолобивых сынов России выкнула волна красного террора."⁷

Для ситуации на Балканах в среде русской эмиграции, в отличие от Западной Европы, о которой говорит Н. Зернов, как о прибежище либерально настроенного ордена интеллигенции, характерно более консервативное идейно-политическое настроение. В Югославии на длительное время осели русские военные, преподаватели, инженеры, деятели искусства, духовенство настроенное скорее консервативно, монархически-традиционно. Эти люди в пережитых страданиях видели лишнее подтверждение пагубности отхода от веры и устоев государства, завещанных предками. Но и в этой среде отношение к Православию претерпело глубокие изменения - от бытового традиционного восприятия к постижению духовных глубин. Н. Зернов хорошо представлял настроения русской эмигрантской общины в Югославии, ведь именно там прошла его юность, он и его сестры встали на путь активной просветительской церковной работы. Обобщая свой жизненный опыт, он пишет: "До революции 'прогрессивные' русские относились критически и даже враждебно к Церкви, лица консервативных убеждений смотрели на нее скорее покровительственно, как на один из устоев существовавшего строя. И те, и другие не знали православия и не участвовали в подлинно евхаристической жизни Церкви. Тем не менее они считали ее неотъемлемой частью русской действительности... Изгнание все изменило. Церковь сделалась необходимой... Эмигранты восстановили драгоценную цепь, которая искони связывала русских с Православием, в них возродилась та сила, которая создала из разрозненных славянских и угрофинских племен единый народ с его особой, неповторимой культурой."⁸ Вот в чем видит суть перемен в восприятии веры один из первых историков русской церкви в эмиграции Н. Зернов - православное мировоззрение,

⁷ Н. Зернов. "Русское религиозное возрождение XX в ИМКА., 1974., с. 225.

⁸ Указ. соч. с. 227.

объединившее эмигрантскую общину, возродило государствообразующую созидательную энергию. С этим трудно не согласиться.

Идейный кризис в XX веке характерен не только для России, но и для Запада. Оказавшись в эмиграции в условиях европейской цивилизованной жизни, русские люди столкнулись с теми же мировоззренческими проблемами, с кризисом гуманистической рациональной идеологии. Трагический опыт русской революции - опыт построения "рая на земле" дал мощный стимул к переосмыслению всей истории человечества и его будущего развития. В книге, увидевшей свет в Белграде в 1935 году, а затем переиздававшейся много раз и в Европе, и в Америке, - "Беседы с собственным сердцем" митрополит Анастасий, обобщая рассуждения на эту тему пишет: "Только христианство, спасшее мир от гибели в эпоху падения античной культуры, может еще раз влить новую жизнь в одряхлевшее духовно человечество. Только оно в силах разрешить безболезненно все политические и особенно социальные противоречия, в сетях которых запуталось современное общество. Нельзя создать "механику добра", как сказал проф. Карташев, которую напрасно ищет современная социальная мудрость... В этом смысле Церковь была и остается доньше нашим "социализмом", как выразился Достоевский. В ней одной все народы и все человечество сливаются в одно "вселенское" братство, в один организм...

Чтобы создать царство общей гармонии на земле, Церкви не нужно снисходить с своей высоты и входить в глубину земных человеческих отношений..., напротив, современная общественная жизнь, т.е. самая ее душа, должна подняться над землею и снова органически войти в религиозную стихию..."⁹

Возврат к "вере предков" для многих русских людей подсказал выход из идейных метаний предреволюционных лет, стал альтернативой "бездуховности" западной жизни, по иному осветил и богоборческий опыт в Советской России. С этих позиций в эмиграции выступали многие крупные деятели науки и искусства. Для нас важно отметить, что многие труды, проникнутые "геоцентрическим сознанием", а вернее православным мировосприятием, причем из разных отраслей знаний, были созданы и увидели свет в Югославии. В первую очередь это - труды иерархов русской православной церкви Митрополита Антония (Храповицкого) - "Ключ к творениям М. Ф. Достоевского", "Пушкин как нравственная личность и православный христианин" и мн. др., объединенные позднее Н. П. Рклицким в 17 томное Собрание сочинений, митрополита Анастасия (Грибановского) - "Беседы с собственным сердцем", многочисленные статьи тогда иеромонаха, а позднее архиепископа Иоанна (Шаховского) в его газете "Борьба за церковь". С Югослави-

⁹ Митрополит Анастасий (Грибановский) "Беседы с собственным сердцем" Белград., 1935 с. 166.

Более подробно вопросы идеологии и мировоззрения русских эмигрантов и воздействия на них трудов русских православных иерархов нами рассмотрены в статье "Судьба России в трудах иерархов русской Православной Церкви за границей Митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Анастасий (Грибановский)".

ей связана и судьба митрополита Вениамина (Федченкова) и знаменитой игуменьи Екатерины (в миру графини Е. Б. Ефимивской), возродившей Лесненский женский монастырь в Югославии в старом сербском монастыре в Хопове и митрополита Феодосия, многие годы бывшего настоятелем монастыря в Дечанах, священником сербской православной церкви начал свой жизненный путь епископ Василий (Роздянко).

Православным мировоззрением в своей научной деятельности руководствовались многие крупные ученые, жившие в Югославии, в качестве примера приведем лишь некоторые их труды: П. Б. Струве "Экономическая история России в связи с образованием государства и общим развитием культуры", "Метафизика и социология" и др., Е. В. Спекторского "Христианство и культура", "Начало науки о государстве и обществе". Книга В. В. Зеньковского, жившего в 20-ые годы в Белграде, "Русские мыслители и Европа", сначала вышла в Югославии на сербском языке, благодаря большой заинтересованности сербской общественности и поддержке Исидоры Секулич, и лишь в 1926 на русском.

Отдельно стоит сказать о многочисленных православных просветителях. В их рядах были высокообразованные разносторонние личности, такие как А. А. Сердюкова, жившая в г. Нови Сад (умерла в 1978 г.), своей жизнью олицетворявшая возврат интеллигенции к вере, ей принадлежит большая работа "Современность и христианство", недавно переизданная и переведенная на сербский язык, множество выступлений по злободневным вопросам в русской и югославской печати, или Анатолий Шпаковский, обратившийся к вопросам православной морали: "Человеческое 'Я' и культура" и др.¹⁰ В Югославии продолжал свое проповедничество в миру знаменитый богоискатель, собеседник Горького, Чехова, Толстого - Григорий Петров, издавший по-сербски целую серию весьма популярных брошюр: "Достоевский и достоинщина", "Душа русского народа", "Евангелие как основа жизни", "Мужчина и женщина" и пр. всего более двух десятков.

Значение православного прихода

Нельзя не сказать еще об одной стороне процесса возрождения православной жизни. Вера давала не только моральную и духовную опору, не только основу идеологии и мировоззрения, но и прочное организующее начало. В условиях эмиграции возросло значение, как пишет Н. Зернов, "самоуправляющейся приходской общины", которая стала основным звеном организации национальной и гражданской жизни вообще. Шел процесс возврата жизненной активности в русло приходской жизни, именно здесь происходила массовая просветительская и культурная работа, просто человеческое общение и взаимная поддержка. Именно на основе приходских общин возникали религиозно-философские

¹⁰ Судьба А. А. Сердюковой, А. Шпаковского и многих других русских интеллигентов нашла отражение в прекрасной книге А. Б. Арсеньева *У излучины Дуная*. Автор ее и сам является продолжателем лучших традиций русской эмиграции в Югославии и безусловно ведущим специалистом по этой проблеме.

братства: Св. Серафима Саровского, Св. Владимира, Св. Иоанна Кронштадтского, Св. Креста.

Всего под управлением Архиерейского синода Русской православной церкви находилось 8 русских приходов в Югославии - Белград, Земун, Нови Сад, Панчево, Велика Кикинда, Белая Церковь, Сараево и Загреб. Духовная жизнь русских эмигрантов оформлялась постепенно от первых шагов - сразу по прибытии, когда в помещении столовой на ул. Короля Милана была открыта первая молельня, до сооружения своих храмов: в Белграде - церковь св. Троицы и в Белой Церкви - св. Иоанна Богослова. В 1931 году в Белграде на Новом кладбище была сооружена Иверская часовня - точная копия в тот момент разрушенной в Москве святыни. В этой часовне с начала тридцатых годов и по сей день происходило и происходит отпевание всех скончавшихся русских людей. В других городах русским не удалось построить своих храмов и они иногда по договоренности служили в сербских церквях, или русские священники окормляли паству во время специальных поездок по приходам.

Размышляя о значении прихода в современной жизни вообще и в условиях эмиграции, молодой иеромонах Иоан (Шаховской) писал: *"Приход есть социальный факт чрезвычайного значения. Самое существование этого факта в русском рассеянии - и в особенности там - на русской земле, среди страшного натиска растлевающих социальную жизнь сил, есть не теория, не красивая внешность объединения, но жизненно высшее выражение русской культуры. Надо принять приход теоретически как фундамент русской национальной жизни, которая умеет быть сперва Божьей, Христовой, вселенской, а потом народно-национальной, личной. И первое дело русской культуры - это понять и полюбить свою семью, свой приход."*¹¹

В связи с приходской жизнью нельзя не сказать об огромном воспитательном значении Православной веры для русского юношества. Во всех многочисленных русских учебных заведениях в Югославии преподавался Закон Божий, были школьные храмы и ежедневные службы. Сохранение национального самосознания - что являлось одной из важнейших задач русского образования, было невозможно вне православной традиции.¹² О значении православного прихода как центра не только духовной, но и гражданской национальной жизни свидетельствуют многочисленные воспоминания, в числе которых наиболее важными нам представляются рассказы (к сожалению, полностью не записанные) настоятеля храма св. Троицы в Белграде протоиерея О. Василия (Тарасьева), сформировавшего при храме прекрасный исторический центр с музеем воинской славы, архивом, библиотекой.¹³

¹¹ Архиепископ Иоанн (Шаховской) Вера и достоверность. Париж. 1982. с. 237.

¹² На тему русских образовательных заведений в Югославии см.: Русские кадетские корпуса в эмиграции. В кн.: "Россия в изгнании", 1999., с. 215-248. а также "Россия в изгнании". Судьба российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. Прекрасный материал дают многочисленные тома так называемой "Кадетской переключки".

¹³ Е. Бондарева. Под сенью Святой Троицы. История русской церкви в Белграде. "Журнал Московской Патриархии" 1999., № 7. Тоже: "Учите историю!" Беседа с

В самых общих чертах пытаюсь охарактеризовать значение Православия как нравственной опоры преодоления идейного и жизненного кризиса на материале, который дает нам опыт русской диаспоры в Югославии, можно рассматривать эту проблему в нескольких плоскостях: 1. *Православная вера и церковь как нравственная, духовная опора для людей, лишившихся отечества, семей, имущества. Христианские идеалы раскрываются во всей полноте конкретного практического опыта.*

2. *Православное мировоззрение как выход из идейного тупика философских метаний русской (и европейской) мысли рубежа XIX-XX вв. "Теоцентрическое сознание" как ключ к пониманию истории и современности.*

3. *Православие как сущностная и необходимая предпосылка для сохранения национальной идентичности как личности, так и социума в условиях эмиграции. Православный приход как форма национальной и гражданской самоорганизации в изгнании.*

Сербское православие

"Сербы народ геройский и прямой. После родной России и Карпатской Руси я любил и люблю больше всех народов Сербию. Народ честный, трудолюбивый, терпеливый, выносливый, мужественный. Россию они любили искренно и сердечно. Я говорю это прежде всего о народных массах. Но и духовенство - особенно сельское, не тронутое Европой, прекрасно относилось к нам. Потому в пору беженства нигде не оказали нам столько приюта, как в Сербии... И делалось это не потому, что мы были белые, а потому, что мы русские... Конечно, связывала оба правительственных режима и одна форма правления - монархическая. Только в Сербии она была несравненно более демократическая. Тут всякий серб мог смело протягивать руку своему королю, любовно называя его на "ты". Связывало даже родство правящих домов... Многие сербы учились в наших академиях. Будущий патриарх Варнава был лишь курсом старше меня в Петербургской Духовной академии... В храм сербы ходили редко: на Пасху (Ускрс), на Рождество (Божич), да на свою "славу"... Но они дорожат своим Православием крепче, чем болгары и не слабее греков, своеобразно. Вот такова общая характеристика этого славного народа."¹⁴ Мы привели эту обширную цитату из воспоминаний митрополита Вениамина в силу того, что здесь в сжатой форме отражены все основные характерные моменты восприятия русским духовенством сербского образа жизни и их отношения к Православию. Разница в обрядах перекрывалась общностью мировосприятия и жизненных ценностей. Именно это обстоятельство являлось решающим в отношении Сербской Православной церкви к русским братьям, оказавшимся в изгнании.

противреем Василием Тарасьевым, настоятелем подворья Русской Православной Церкви в Белграде. сс. 21-33.

¹⁴ Митрополит Вениамин (Федченков) На рубеже двух эпох. М., 1994 г. с 336-337.

Огромную роль в отношениях между нашими церквями в межвоенный период играл митрополит, а затем Сербский Патриарх Варнава. Тесно связанный с Россией, окончивший Духовную Академию и принявший монашество в России, долгие годы там служивший, глубокий знаток богословия - патриарх Варнава сумел не только помочь многим русским священникам, монахам, епископам устроить свою жизнь в условиях эмиграции, но и наладить взаимоотношения их с сербской православной церковью ко взаимному обогащению и поддержке. Тесные душевные отношения связывали сербского патриарха с митрополитом Антонием (Храповицким), с многими деятелями русской культуры, к примеру с Иваном Шмелевым, с которым состоял в переписке, творчество которого Патриарх Варнава хорошо знал и высоко ценил.¹⁵ Активно способствовал Патриарх и примирению двух направлений в РПЗЦ, о чем осталось множество свидетельств. О жизни и подвижничестве Патриарха написал объемный труд В. А. Маевский, долгие годы служивший при нем в качестве секретаря и библиотекаря - "Сербский Патриарх Варнава и его время" (сербское издание Осиек, 1932 г.)

В межвоенное время пути русского и сербского православия теснейшим образом переплетались, а зачастую сливались в единый мощный поток. В 20-30-ые годы на Балканах, после освобождения и создания нового государства южных славян, наблюдался подъем религиозной жизни и русские эмигранты приняли в этом активнейшее участие. Во многих духовных учебных заведениях преподавали русские богословы и священники. В этом смысле, особенно важными представляются Битольская и Призренская духовные семинарии, готовившие кадры для Македонии и Южной Сербии, где ощущался недостаток православных пастырей. В них трудились многие русские преподаватели: будущий митрополит Иоанн (Кухтин), профессор Круликовский, архимандрит Николай (Карпов), о. Иоанн Сокаль, а также о. Иоанн (Максимович). Отец Иоанн - великий чудотворец был впоследствии канонизирован Архиерейским Собором РПЗЦ.

Битольская семинария в эти годы насчитывала от 400 до 500 студентов, сюда часто заезжал Охридский архиепископ Николай Велимирович. Протоиерей Урош Максимович описал одну из его встреч с молодежью и слова в адрес будущего святого о. Иоанна, таким образом: "Среди этих юношей и мальчиков (много было албанцев, меньше русских и чехов...) стал работать этот святой человек (Иоанн Максимович), который подвигом, молитвами и теплотой христианской любви творил новых людей... Охридский архиепископ Николай Велимирович ... один раз при расставании обратился к небольшой группе учеников со слова-

¹⁵ В переписке Ивана Шмелева с И. Ильиным есть фрагмент, связанный с Патриархом Варнавой. 9 марта 1948 года Иван Сергеевич писал: "вчера узнал, что моим страстным читателем был... Патр. Варнава! - отравили. Когда у него собиралась молодежь, он, обычно, начинал литературную беседу словами: "А вы писателя Шмелева знаете?! Если не знаете... - узнайте. Тогда и разговаривать будем." (сообщил его библиотекарь - вчера меня навестивший). И. С. Шмелев имеет введу в. Маевского.

ми: "Дети, слушайте отца Иоанна, он - ангел Божий в человеческом облике".¹⁶ Пребывание отца Иоанна (Максимовича) в Югославии оставило неизгладимый след во многих юношеских душах, а сам он любил в последствии вспоминать эти годы.

Святой Николай (Велимирович) также неразрывно связан с русским православием. Он, будучи доктором теологии и философии двух европейских университетов, закончил Духовную Академию в Санкт-Петербурге, объездил всю Россию, хорошо знал ее народ, традиции и культуру. В бытность архиепископом Охридским владыка Николай тесно сотрудничал с русским священством и монашеством, оказавшимся в эмиграции. Пастырское служение владыки Николая имело огромное влияние на русских православных людей. Именно владыка Николай положил начало прославлению царя-мученика Николая II и его семьи в сербской церкви, что было подхвачено в среде русских эмигрантов. Характеризуя события начала XX века, он писал: "Велик наш долг перед Россией... Может человек быть должен человеку, может и народ - народу. Но долг, которым Россия обязала сербский народ в 1914 году, настолько огромен, что его не могут возратить ни века, ни поколения. ...Если бы царь Николай прилепился к царству земному, царству эгоистических мотивов и мелких расчетов, он бы, по всей видимости, и сегодня сидел на своем престоле в Петрограде. Но он прилепился к Царствию Небесному... Еще один Лазарь и еще одно Косово! Эта новая косовская эпопея открывает новое нравственное богатство славян. Если кто-то на свете способен и должен понять это, то сербы и могут и обязаны это понять..." (Отрывок из "Слова о святом Владимире", которое было произнесено владыкой Николаем в Белграде 28 июля 1932 г.) Архиепископ Николай, глубоко понимая русскую драму, стремился извлечь из этих событий урок для всех православных народов. И главный урок был в том, что надо укреплять и расширять веру в простом народе, в крестьянстве. Просветительству владыка Николай был верен всю жизнь и отдал немало сил.

Особенно следует отметить практику "богомольческого движения", распространенного стараниями владыки по всей Сербии и служившего народному религиозному пробуждению. Этот опыт живого народного Слова Божьего имел большое значение для судеб православия в современном мире, к нему неоднократно обращались русские богословы, к примеру Архиепископ Иоанн (Шаховской),¹⁷ епископ Василий (Родзянко). В годы войны владыка Николай был узником концлагеря Дахау, а затем выехал в США, где был тепло встречен русским священством и монашеством, с которым находился в последние годы в духовном и творческом единении, скончался св. Николай (Велимирович) в русском монастыре св. Тихона в Пенсильвании в 1956 г.

Пути русского и сербского богословия, также как и пути личных биографий в XX веке, сплелись неразрывно. И еще одним свидетель-

¹⁶ Цит. По кн. В. И. Косика, *Русская церковь в Югославии (20-40-ые гг. XX в.)*. М. 2000 г. с. 88-89.

¹⁷ Архиепископ Иоан Шаховской, *Вера и достоверность*, Париж. 1982. с. 237.

ством тому является творчество православного светоча - св. Иустина Поповича (1894-1979). В числе первых его наставников были Николай Велимирович (в духовной семинарии в Белграде в период с 1905 по 1914 гг), затем русские преподаватели в Духовной Академии в Петрограде (в 1916-1917 гг., учебу здесь пришлось прервать из-за революционной смуты), а затем уже в период самостоятельного преподавания в Сремских Карловцах - его наставником был митрополит Антоний (Храповицкий). Глава русской православной церкви в изгнании оказал сильнейшее воздействие на молодого о. Иустина. Под влиянием совместных бесед и трудов митрополита Антония о. Иустин Попович создал свое исследование "Философия и религия Ф. М. Достоевского", затем в 1931 г. книгу "Достоевский о Европе и славянстве", посвященную новым исповедникам православия св. Тихону - патриарху Всея Руси и патриарху сербскому Варнаве. О. Иустин Попович - крупнейший православный богослов XX века, автор выдающихся трудов: "Православная философия истины", "Свято-Саввие как философия жизни", "Православная церковь и экуменизм", "На богочеловеческом пути" и мн. др. опирался в своём творчестве на учение святых отцов Православной церкви и русское богословие. В последние годы его помощниками были ныне здравствующие архиереи: Амфилохий (Радович), Атанасий (Евтич) и Артемий (Радосавлевич), продолжающие традиции православного сербско-русского "сотрудничества".

Св. Иустин Попович писал: "Тайна и сила России - в Православии, в этом и сила всего православного славянства". XX век на горьком опыте наших народов подтвердил всю правоту этих слов сербского богослова - чем дальше уходили русские и сербы от заветов Православия, тем глубже падали они в бездну распада, и только на путях духовного возрождения они постепенно стали обретать утраченные начала национально-государственной самостоятельности.

Тесное взаимодействие русских и сербских деятелей православия в XX веке послужило к знаменательному обновлению традиции сербского православного богословия, расцвет которого пришелся на средневековье и плодотворно влиял на древнерусскую книжность.

Труды русских и сербских священников, монахов, богословов творились в общем лоне Православной церкви, православной традиции. Поэтому это наследие едино и принадлежит в равной мере нашим народам, уже многие века духовно питающих и обогащающих друг друга.

Духовный опыт русской эмигрантской диаспоры в Югославии имеет большое значение во всех выше обозначенных аспектах. Русская община в условиях православной Сербии и Черногории получила уникальные условия для сохранения основ национального уклада и традиционной веры. Общность православия русского и сербского народов стала той основой, которая послужила успешному сотрудничеству в разных областях общественной, культурной, научной жизни. Русская церковная практика и труды русских богословов обогатили сербское православие. Взаимодействие и творческое сотрудничество сербских и русских православных подвижников привело к расцвету богословской мысли и обновлению сербской христианской книжности в XX веке.

Јелена Анаџолијевна БОНДАРЈЕВА

*ИСКУСТВО САРАДЊЕ ДВИЈЕ ГРАНЕ ПРАВОСЛАВЉА
Руска православна црква у емиџрацији у Краљевини
Југославији (1920-1940)*

Резиме

У раду аутор разматра један од аспеката веома сложеног питања судбине руске емиграције послје Октобарске револуције. Руске избјегличке колоније, у зависности од земље у којој су боравиле, њихове традиције и културе, правног поретка итд, на различит начин су успијевале да регулишу свој избјеглички статус "у држави пребивалишта".

Живот бројне руске емиграције у Краљевини Југославији имао је у том погледу низ карактеристичних специфичности које су положај руских емиграната чиниле посебним у односу на друге земље. Влада југословенске државе, а посебно њен краљ, спроводили су дугорочни програм помоћи избјеглим руским емигрантима и финансијски и организационо током низа година помагали њихов живот и рад на територији Југославије. Створена је по много чему јединствена ситуација: руска дијаспора је располагала потпуним и заокруженим системом школских установа, у Југославији је било сједиште Синода РПЦ у избјеглишту, постојали су услови за укључивање високообразованих и стручних руских грађана у државну службу, у културни и умјетнички живот, просвјету, науку, војне послове. Многа литерарна издања, прожета православним учењем, створена су и објављена у Југославији.

У међуратном периоду путеви српског и руског православља на најтежи начин су се преплитали и сливали у јединствен ток. Духовност и образовни ниво руске дијаспоре у емиграцији у Југославији било је од великог значаја за друштвени развој ове државе. Истовремено, руска заједница посебно у Србији и Црној Гори имала је јединствене услове за очување основа свога националног идентитета и културних и духовних традиција. Религиозна истовјетност била је основ за успјешну сарадњу и у разним другим областима.

Рад је написан на основу мемоарске и историографске литературе.

Elena Anatolievna BONDARIYEVA

*CO-OPERATION BETWEEN TWO ORTHODOX BRANCHES
The Russian Orthodox Church in Exile in the Kingdom of Yugoslavia (1920-1940)*

The summary

In this paper, the author deals with one of the aspects of very complicated issue concerning destiny of the Russian aristocracy after The Revolution of October. The Russian refugee colonies, depending on the country in which they lived, i.e. traditions, cultures, law

regulations, etc. of those respective states, had managed to solve their refugee status in “state of residence” on various ways.

Living of the numerous Russian emigrants in the Kingdom of Yugoslavia has, in that respect, a lot of characteristics, that made the position of the Russian emigrants special in comparison to the other countries. The Yugoslav state government, a specially its king had established a long-term aide program for the Russian emigrants, and, during the years, they had helped, financially and organizationally, they work and living on the territory of Yugoslavia. The almost unique situation had been established: the Russian Diaspora had complete system of schooling, the seat of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church in exile was in Yugoslavia, the conditions for Russian citizens to join the state service, cultural and artistic life, education, science, military affairs had existed. Many works of literature, inspired by the Orthodoxy were created and published in Yugoslavia.

In the period between the two world wars, the roads of Serbian and Russian Orthodoxy took almost the same path. The level of spirituality and education of the Russian Diaspora in Yugoslavia, had been of great significance to its social development. At the same time, the Russian community, especially in Serbia and Montenegro had the unique conditions for preserving basis of national identity and cultural and spiritual traditions. The same religion was the base for successful co-operation in many fields.

The paper has been written on the basis of memoirs and historiography.